

Анастасия Полупина

ЭХО ГЛУБИНЫ

Анастасия Полунина

Эхо глубины

«Автор»

2026

Полунина А.

Эхо глубины / А. Полунина — «Автор», 2026

Что скрывает тихая гладь горного Озерца и заброшенные шахты старой советской геологоразведки? Для инженера-водолаза Максима Морозова это место долгие годы хранило лишь память об отце, пытавшемся обуздать здешние недра еще в 1970-х. Но когда земля под ногами начинает угрожающе дрожать, а датчики фиксируют аномальный термальный всплеск, героям приходится спуститься в ледяную темноту. В глубине земной коры пробуждается древний тектонический организм — «Сухой пласт», реагирующий на любое вмешательство человека. Балансируя на грани безумия и катастрофы, братья Морозовы и капитан Власов пытаются остановить надвигающуюся угрозу. Опираясь на пожелтевшие чертежи отца и старые секретные штольни, им предстоит сделать выбор: уничтожить стихию силой или попытаться услышать голос земли, найдя хрупкий баланс между миром людей и безмолвными глубинами.

© Полунина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дорога в тумане	5
Глава 2. Сухой октябрь две тысячи первого	9
Глава 3. Тень над райцентром	13
Глава 4. За закрытой дверью морга	16
Глава 5. Следы на пожелтевшей бумаге	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анастасия Полунина

Эхо глубины

Глава 1. Дорога в тумане

I

Рейсовый «Пазик» отряхивался на каждой выбоине областной трассы с сухим, металлическим дребезгом, от которого к концу третьего часа поездки начинали зудеть зубы.

Максим сидел у оклеенного пожелтевшей плёнкой окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. За окном в сплошном, ватном тумане растворялся выцветший октябрьский пейзаж: обугленные заморозками стволы берез, чахлые кустарники на обочинах да изредка мелькавшие в серости покосившиеся срубы заброшенных деревень. Дождь мелкий, пылевой, не шел — он висел в воздухе, затягивая ветровое стекло ледяной маслянистой пленкой, которую дворники старого автобуса лишь размазывали с глухим скрипом.

В салоне пахло сырой шерстью, дешёвыми сигаретами с фильтром, соляжкой и кислым перегаром, исходившим от мужика в промасленном ватнике, спавшего на заднем сиденье.

Максиму исполнилось сорок лет три недели назад. Свой юбилей он отметил в съёмной московской квартире на четырнадцатом этаже — с бокалом минеральной воды и стопкой недописанных амбулаторных карт своих пациентов. Он работал детским психологом в частном медицинском центре. Каждый день к нему приводили гиперактивных, зашуганных или замкнутых детей из обеспеченных семей. Он часами разбирал их страхи, рисовал с ними несуществующих животных, искал корни детских неврозов в гиперопеке родителей или школьном буллинге, считая себя человеком с абсолютной броней из профессиональной рациональности.

Но пять дней назад эта броня дала трещину.

Звонок из районного отдела полиции Озерца застал его посреди приема. Голос следователя звучал сухо, буднично, с едва скрываемой спешкой: *«Максим Александрович? Ваша мать, Анна Сергеевна... Соседи вызвали через два дня, когда кошка завывала. Скоропостижная. Сердце. Приезжайте оформлять, тело в районном морге».*

Он не видел мать четырнадцать лет. Не писал ей последних лет пять. И сейчас, смотря на то, как за окном автобуса проступает ржавый металлический указатель с полустёртыми буквами «О З Е Р Ц О», Максим ощущал лишь тупую, тяжелую усталость и странную, липкую тревогу, севшую на дно желудка твёрдым холодом.

II

Автостанция Озерца не изменилась со времён его детства. Всё то же одноэтажное здание из блеклого силикатного кирпича, крытое волнистым шифером, с выбитыми и заколотыми фанерой боковыми окнами. На перроне висела вывеска с облупившейся краской, а на асфальте чернели глубокие лужи, в которых плавали опавшие ивовые листья и окурки.

Когда Максим ступил на раскисшую от воды землю, туман обступил его со всех сторон. Озерцо всегда было туманным городом — построенный в низине между тремя холмами, на берегу глубокого, почти мёртвого Озерцкого озера, он летом задыхался от сырости, а осенью погружался в непроглядное серое молоко, скрывавшее целые улицы.

Он поправил ляжку кожаной сумки на плече и замер.

На деревянной скамейке под навесом автостанции сидел человек в мятой полицейской куртке без погон. В руках он держал пластиковый стаканчик с паровым чаем, от которого шёл тонкий сизый дымок. При виде Максима человек поднялся, выкинул стаканчик в урну и сделал шаг навстречу.

— Не думал, что ты приедешь на рейсовом, Макс, — голос был прокуренным, сиплым, но до боли знакомым. — Думал, ты теперь на иномарке. Столичный доктор, все дела.

Максим всматривался в его лицо, пытаясь сквозь глубокие морщины вокруг глаз, залысины и синеву под нижними веками узнать того пятнадцатилетнего мальчишку, с которым они когда-то лазили по крышам гаражей.

— Дэн? — нерешительно произнес Максим.

Денис улыбнулся — криво, только одним уголком рта, и протянул широкую, с огрубевшей кожей ладонь.

— Он самый. Денис Вадимович, капитан полиции, старший участковый уполномоченный по Центральному району нашего богоспасаемого мегаполиса. С приездом в родные пенаты, брат.

Они пожали руки. Рука Дениса была сухой и горячеей, как у человека, страдающего от скрытой лихорадки.

— Спасибо, что встретил, — тихо сказал Максим. — Не нужно было... Я бы такси взял.

— Какое такси, Макс? — Денис хмыкнул, доставая из кармана пачку «Явы». — В Озерце остался один таксист — дядя Коля, да и у того недельный запой по случаю закрытия пилорамы. Пойдём к машине. Мой «УАЗик» за углом. Я тебя до квартиры матери подкину. Тело из морга завтра утром забирать, я все бумаги у пата Анатолевича уже подмахнул.

Они молча пошли вдоль здания станции. Запах сырой хвои и гниющей озерной тины здесь был настолько плотным, что его, казалось, можно было ощутить на язык — как вкус старой ржавой ложки.

— Как она... умерла? — спросил Максим, когда они подошли к заляпанному грязью полицейскому внедорожнику.

Денис затаился, выдохнул густое облако дыма, которое тут же смешалось с туманом, и посмотрел куда-то в сторону холмов.

— Тихо умерла. В кресле на кухне. В руках тетрадь какая-то была. Анатолевич сказал — ишемия, острая сердечная недостаточность. Ей же под семьдесят было, Макс. Она последние года три вообще из дома не выходила. Соседка, баба Шура, ей продукты носила. В городке говорили... ну, ты сам знаешь, что про неё говорили.

— Что она сошла с ума? — прямо спросил Максим, садясь на пассажирское сиденье, где пахло чехлами из кожаного материала, бензином и дешёвым освежителем с запахом хвои.

Денис завел двигатель. Машина задрожала всем корпусом.

— Скажем так, — пробормотал Денис, выкручивая руль, — в Озерце в последние годы вообще мало кто остался в полном здравии. Город умирает, Макс. Молодежь валит, кто может. Завод закрыли три года назад. Остались одни старики да те, кому податься некуда. А когда город умирает, из щелей начинает лезть всякое.

— Всякое? — Максим повернул голову к другу.

Денис ничего не ответил. Он выехал на главную улицу города — улицу Ленина, где вдоль разбитого асфальта тянулись облезлые фасады «сталинок» и серые коробки пятиэтажек с редкими, тусклыми огоньками в окнах.

III

Квартира матери встретила Максима запахом, который он не путал бы ни с чем на свете: смесь лекарств, сушёной полыни, старой пыли и остывшего воска.

Денис поднялся с ним на второй этаж, помог открыть заевший замок тяжелой деревянной двери, обитой с внешней стороны дерматином с торчащими кусками ваты.

— Я внизу подожду, в машине, — сказал Денис, переминаясь с ноги на ногу на темной лестничной площадке, где единственная лампочка горела вполнакала. — Тебе надо осмотреться, собраться с мыслями. Вечером заскочу, принесу ключи от морга и ритуальщиков. Если что — звони. Номер мой тот же.

— Спасибо, Дэн, — прошептал Максим.

Дверь закрылась. В коридоре установилась абсолютная, звенящая тишина, в которой слышно было только, как где-то в недрах дома с тихим, размеренным стуком падает капля из крана.

Максим нащупал на стене выключатель. Щелчок. Тусклый жёлтый свет люстры-ромашки осветил узкий коридор, оклеенный тёмно-зелёными обоями с мелким растительным орнаментом.

Ничего не изменилось.

На вешалке всё так же висело старое плащ-пальто матери с искусственным воротником. На полке под зеркалом лежала её деревянная расчёска со сломанными зубьями, а рядом — пузырек с остатками валерьяны. В углу стояли детские резиновые сапоги — его собственные сапожки с синими голенищами, которые он носил, когда ему было лет восемь. Они так и стояли здесь все эти тридцать с лишним лет, покрытые толстым слоем серой пыли.

Максим прошёл на кухню.

Здесь всё дышало присутствием человека, который ушел всего пару дней назад. На столе стояла чашка с недопитым, покрывшимся тёмной плёнкой чаем. Рядом лежала упаковка от валидола, календарь на 2026 год с зачеркнутыми красным карандашом днями и та самая тетрадь в клетку, о которой говорил Денис.

Максим опустился на стул. Дерево под его весом жалобно скрипнуло.

Он протянул руку и коснулся обложки. Это была обычная школьная тетрадь на двенадцать листов с обложкой из плотной зеленой бумаги. На первой странице материнским почерком — мелким, аккуратным, преподавательским (она тридцать лет преподавала литературу в местной школе) — было написано:

«Сентябрь, 2026. Он снова приходит к окнам. Вчера он звал его по имени. Он думает, что Саша вернется, когда с холма сойдет туман. Я закрыла все форточки, но они шепчутся в вентиляции. Саша, если ты читаешь это... не ходи к особняку».

Максим медленно перевернул страницу. Следующие листы были исписаны странными, угловатыми рисунками: перекошенный силуэт дома с высоким куполом, крутые ступени, уходящие в темноту, и множественные круги, нарисованные один внутри другого с нажимом, проравшим бумагу.

А на последней странице, прямо посередине, от руки была выведена единственная строчка:

«Договор не закрыт. Он ждёт своего часа».

Максим закрыл тетрадь и откинулся на спину. Сердце колотилось в груди с тяжёлым, болезненным нарастанием.

Вдруг за окном кухни, выходящим на задний двор и чернеющий за пятиэтажками холм, раздался звук. Это был не шум ветра и не капли дождя.

Это был тихий, сухой, металлический щелчок. Словно кто-то на улице взвёл курок старого детского пистолетика с пистонами. А затем сквозь закрытые двойные рамы донёсся едва слышный, тонюсенький детский голос:

— *Са-а-аша... выходи-и-и... мы нашли-и-и...*

Максим вскочил со стула, мгновенно подбежал к окну и прижался лицом к ледяному стеклу.

За окном простирался абсолютный, непроглядный мрак, затянутый влажным туманом. Лишь далеко на вершине холма, над черными верхушками сосен, тускло и прерывисто мерцало одинокое маслянисто-жёлтое пятно света — там, где стояли руины заброшенного особняка Елагиных.

Глава 2. Сухой октябрь две тысячи первого

I

В тот четверг, четырнадцатого октября 2001 года, над Озерцом стояло редкое для этих мест прозрачное, звонкое солнце. Воздух был настолько сухим и холодным, что при глубоком вдохе в груди отзывалось легким покалыванием, а с хвойных холмов тянуло сладковатым дымом горящих торфяников.

Девятилетнему Сашке Морозову (тогда его ещё никто не звал Максимом — второе имя, данное при крещении, прилипло к нему позже, в столичном институте) в то утро подарили новые кроссовки. Китайские, с синтетическим запахом клея, с тремя яркими красными полосками по бокам. Он гордился ими настолько, что раз в полчаса останавливался и сдувал с белой резиновой подошвы сухие березовые листья.

Они собрались за старыми гаражами на улице Кирова — там, где заканчивался асфальт и начиналась размытая тракторами грунтовая дорога, уходящая к подножию Елагинского холма.

Их было четверо.

Главным в компании был Артур. Ему недавно исполнилось одиннадцать, он учился в пятом классе, носил перешитую из отцовской шинели куртку и уже умел курить «Астру», сплевывая сквозь зубы тугую желтоватую слюну. В кармане у Артура всегда лежало главное сокровище двора — складной нож с костяной рукояткой и тяжелый трехбатареечный фонарь из никелированной стали, вывезенный его дядей с военного склада.

Рядом с Артуром крутился Маленький Серёжка — семилетний пацан из третьего подъезда с вечно заложенным носом и бледным, прозрачным лицом. Серёжка бороздил грязь сапогами и не спускал с Артура преданных глаз.

Четвертой была Машка. Машка Ерохина была старше Сашки на полгода, но выше его на целую голову. Несмотря на заморозки, она пришла в легком фланелевом платье в крупную клетку, поверх которого была накинута старая шерстяная кофта с вытянутыми рукавами. На

ногах её красовались стоптанные сандалии с носками. Машка не боялась ни темноты, ни верховых пауков, ни завуча школы — и именно её дерзость заставляла остальных пацанов идти на любые глупости, лишь бы не показаться трусами.

— Артур, а баба Шура с первого этажа говорит, что туда вообще ходить нельзя, — тихо прогнусавил Серёжка, утирая нос рукавом. — Говорит, там сторож старый с берданкой ходит. И что под домом... провал.

Артур пренебрежительно плюнул в сухую траву и вытащил из кармана тяжелый фонарь. Металл блеснул на солнце.

— Баба Шура твоя — дура набитая, — отрезал Артур. — Сторож Тихон уже неделю как в больнице в районе лежит, у него грыжу вырезали. Мне старшие пацаны с пилорамы говорили. А в подвале у Елагина перед войной склад госрезерва был. Там до сих пор немецкие зажигалки в масле лежат и патроны. А может, и золото.

— Какое золото? — Машка фыркнула, убирая со лба прядь жестких русых волос. — Елагин этот ваш фабрикантом был, а не царём. У него дрова да кости только.

— А вот и не только! — Артур шагнуть к ней вплотную, сжав фонарь. — Мой дед рассказывал, что Елагин, когда большевики в город входили, все свои серебряные оклады и монеты в подземный ход спустил. И ход тот вел от самого особняка под озером до церковного подвала. Кто ход найдет — тот на всю жизнь богач.

Сашка стоял чуть в стороне, переминался с ноги на ногу и смотрел на красные полосы своих новых кроссовок. Внутри у него всё сжималось от липкого, неприятного предчувствия. Ему не нужно было золото. Не нужны были патроны. Но вернуться домой сейчас — означало навсегда получить клеймо «маменькиного сынка» и остаться без компании на весь остаток осенних каникул.

— Ну что, Мороз? — Артур повернулся к Сашке, сузив темные, узкие глаза. — Ссышь? Если ссышь — вали домой, к мамке под юбку. Нам балласт не нужен.

— Ничего я не ссу, — сглотнув сухой ком в горле, ответил Сашка. — Погнали.

II

Особняк купца Елагина на вершине холма казался огромным, чужим и мертвым.

Построенный в конце XIX века из тёмно-красного фасонного кирпича, с готическими узкими башнями и барельефами в виде оскаленных львиных морд под карнизом, он высился над Озерцом как молчаливый страж. В тридцатые годы здесь располагалась детская коммуна, потом — склад райпо, а с конца восьмидесятых дом стоял заброшенным. Крыша в центральном крыле провалилась после сильного пожара, и сквозь чернеющие глазницы окон прорастали молодая рябина и шиповник.

Дети поднялись по крутой, проросшей мохом каменной лестнице.

Вокруг висела звенящая осенняя тишина. Даже птицы не щебетали в ветвях старых лип, обступивших особняк плотным кольцом. Только сухой лист шуршал под ногами да ветер тихо свистел в пустых оконных проемах.

— Вход с торца, — шепотом проговорил Артур, скользя вдоль облупившейся кирпичной стены. — Там, где пекарня была. Решётка кованая, но замок там сбитый.

Они обогнули разрушенную веранду. В тени северной стены было ощутимо холоднее. Здесь гнила куча старого строительного мусора, прелой соломы и ржавых железных балок. В фундаменте чернел полукруглый проем подземного входа, закрытый тяжелой решёткой из толстых прутьев.

Артур подошел ближе и дернул решётку на себя. Раздался оглушительный, визгливый скрип ржавых петель, от которого Сашка вздрогнул. Решётка поддалась, открыв узкий проход, уходящий под уклон во тьму.

Оттуда, из глубины, дуло могильным холодом, сыростью и тяжелым, сладковатым запахом старой гнили и спертго воздуха.

— Я первый, — прошептал Артур, шелкнув тумблером фонаря.

Яркий, желтоватый луч света выхватил из тьмы каменные ступени, покрытые толстым слоем черной, слежавшейся пыли и мелкого крошева из обвалившейся штукатурки.

— Артур... может, не надо? — Серёжка схватился за край Артуровой куртки. Его губы дрожали. — Там темно.

— Заткнись, — скомандовал Артур. — Машка, за мной. Мороз — замыкающий. Фонарь держи ровно, если что.

Они начали спуск.

III

Подвал особняка оказался куда больше, чем они ожидали. Это был целый подземный лабиринт из низких сводчатых коридоров, выложенных старым плотным кирпичом. Под ногами хрустели битые бутылки, гнилые доски и какие-то истлевшие тряпки.

Луч фонаря выхватывал из темноты массивные дубовые бочки без обручей, ржавые железные койки с провисшими сетками и надписи на стенах, сделанные мелом ещё в пятидесятые годы.

— Смотрите! — Машка остановилась у низкой арочной ниши.

В нише стоял старый деревянный сундук, обитый полосами потемневшей меди. Крышка его была откинута. Внутри лежали стопки пожелтевших от сырости газет «Правда» за 1961 год и сломанный кукольный театр с фарфоровыми головками персонажей, покрытыми сеткой мелких трещин.

— Мусор один, — проворчал Артур, двигаясь дальше по коридору. — Говорил же, надо в нижний ярус идти. Там, где ледник был.

Сашка шел последним. С каждым шагом вглубь подземелья его охватывало странное, удушливое чувство. Ему казалось, что воздух вокруг них становится густым, как кисель. Звуки их собственных шагов отдавались в ушах странным, заторможенным эхом, будто они шли на дне глубокого колодца.

И тут воздух изменился.

Запах плесени и сырости сменился чем-то другим. В нос ударил резкий, вьедливый запах гари — словно совсем рядом кто-то жёг пластмассу и старую шерсть.

— Артур, ты чувствуешь? — тихо спросила Машка, останавливаясь.

— Заткнитесь все, — резко прошептал Артур.

Он замер посреди узкого тупикового коридора. На полу перед ними лежала тяжелая чугунная плита с круглым кольцом, заменявшим ручку. Плита прикрывала ход еще ниже — в глубокий колодец или ледник.

Из щелей вокруг этой плиты медленно, тонким струйками поднимался серый, сизый дым.

— Что это? — Серёжка прижался к стене, его глаза расширились от ужаса. — Там горит что-то?

— Не может там ничего гореть, — голос Артура впервые дрогнул. Он сделал шаг к плите и направил на неё луч фонаря. — Там сорок лет никто не ходил...

И в этот момент из-под чугунной плиты раздался звук.

Это был не шум огня и не треск сухих дров. Это был сухой, размеренный стук. Словно кто-то снизу, из самой глубины земли, стучал по чугуну маленьким костяным пальчиком.

Стук. Стук. Стук.

— Мамочка... — пискнул Серёжка и попятился назад.

— Кто там? — крикнул Артур, но его окрик прозвучал жалобно и тонко.

Стук прекратился. А затем из-за плиты донесся шепот. Голос был тонким, детским, но в нем не было ничего человеческого. Он произнес всего два слова, отчетливо и звонко:

— *Нашел... Сашенька...*

Сашку охватил такой дикий, первобытный ужас, что ноги у него стали ватными. Вся его храбрость, все желание казаться взрослым растворились в секунду. Липкий страх ударил в затылок ледяной иглой.

— Бежим! — закричала Машка.

Серёжка споткнулся о старый ящик и с грохотом повалился на кирпичный пол, завыв от боли в разбитом колене. Артур кинулся к нему, пытаясь поднять, но тут под давлением времени или от вибрации голосов тяжелый кирпичный свод над нишей затрещал.

Со свистом и гулом сверху посыпалась земля, мелкий камень и тяжелые куски слежавшейся кладки.

Луч фонаря дернулся, упал на землю и выключился. Наступила абсолютная, непроглядная, гробовая тьма.

В темноте раздался крик Серёжки, треск ломающихся досок и грохот рухнувшей стены, отрезавшей тупик с детьми от основного коридора.

Сашка стоял со стороны выхода. Грохот обвала оглушил его. В лицо ударила волна пыли и едкого дыма.

— Сашка! Сашка, помоги! Тут завалило! — донесся из-за кучи кирпичей отчаянный, срывающийся на фальцет крик Артура. — Сашка, разгреб! Тут дышать нечем!

Но Сашка уже ничего не соображал. Разрушительный ужас отключил разум. Ему казалось, что из-под обвала, сквозь щели между кирпичами, к нему тянутся сотни холодных, невидимых детских рук, а из-под чугунной плиты вырывается то самое серое, удушливое нечто.

Он развернулся и побежал.

Он бежал по тёмному коридору, сбивая локти о выступы стен, падая, поднимаясь, не чувствуя боли. В ушах стоял сплошной гул.

Выскочив к подземному выходу, Сашка вылетел на свежий воздух. Солнце ослепило его.

Он схватился за тяжелую кованую решётку, чтобы удержаться на ногах, и в этот момент из коридора донёсся предсмертный, полный животного ужаса крик Машки:

— *Саша-а-а! Не закрывай!*

В слепом, неконтролируемом паническом порыве — желая только одного: запереть кошмар там, внутри, не дать ему вырваться наружу и догнать его — Сашка с силой рванул решётку на себя. Тяжелая створка захлопнулась с глухим металлическим ударом.

На петле висел старый запорный засов. Сашка схватил ржавый железный штырь, лежавший на земле, и с силой вгнал его в дужку, заклинив засов намертво.

А потом он побежал вниз по холму.

Он бежал, не разбирая дороги, сквозь кустарник, раздирая одежду и лицо, пока не выскочил на окраину города. Новые китайские кроссовки с красными полосками были испачканы черной подземной грязью и кровью.

Он прибежал домой, заперся в своей комнате и залез под одеяло.

Вечером город поднялся на ноги. Приехала полиция из района, прибежали заплаканные родители Артура и Машки. Сашка лежал в постели с высокой температурой и молчал. Когда его спросили, где остальные, он прошептал, что они попрощались у школы и пошли к озеру.

Через три дня поисков полиция решила, что дети ушли на дальние торфяные болота и провалились в трясину. Особняк Елагина никто толком не проверял — решётка подвала была заклинена ржавым штырем так давно и надежно, что оперативники даже не стали её ломать, посчитав, что туда никто не мог проникнуть.

Так началась тайна, затянувшаяся на четверть века.

Глава 3. Тень над райцентром

I

Ночь в квартире матери прошла без сна.

Максим пролежал на старом диване с просевшими пружинами, не снимая куртки, уставившись в потолок, где от фар проезжавших по дальнему шоссе редких фур медленно проплывали длинные, перекошенные тени. Каждый шуршащий звук — скрип усыхающих оконных рам, гул ветра в вентиляционном коробе, шелест опавших листьев за окном — заставлял его вздрагивать и сжимать кулаки так, что ногти въедались в ладони.

Звонок, позвавший его из тумана накануне вечером, больше не повторялся. Но чувство, будто за окном, в ста метрах от пятиэтажки, в черной мокрой траве кто-то стоит и не спускает глаз с его светящегося окна, не исчезало до самого рассвета.

Утро не принесло света. Оно лишь разбавило непроглядную ночную тьму серой, свинцовой взвесью.

Максим поднялся в шесть утра, умылся ледяной водой из-под крана, пахнувшей ржавчиной и болотом, и заварил остатки старого листового чая, найденного в блеклой жестяной банке из-под индийского «Дружба». На кухне было настолько холодно, что при дыхании из рта вырывался слабый белый пар.

В восемь утра под окнами раздался знакомый надрывный гул мотора. Старый «УАЗ-Хантер» Дениса с сине-белой полосой на борту затормозил у подъезда, выбив из глубокой лужи сноп грязных брызг.

Максим накинул куртку, закрыл квартиру на два оборота ключа и спустился во двор.

II

Во дворе стоял запах гари и сырой глины. Туман стал ещё гуще — он лежал на крышах пятиэтажек плотной подушкой, скрывая верхние этажи и превращая провода ЛЭП в призрачные струны, с которых каплями стекала вода.

— Не выспался? — спросил Денис, когда Максим сел на переднее сиденье.

Участковый выглядел паршиво: глаза припухли и покраснели от бессонницы, на воротнике форменной куртки виднелись свежие пятна грязи, а из открытой пачки на панели торчали мятные леденцы, которыми он пытался заглушить запах перегара и дешевых сигарет.

— Заснешь тут, — тихо ответил Максим, глядя на двор, где у мусорных баков две бродячие собаки безучастно грызли замерзший мосол. — У вас здесь ночью всегда так тихо? Ни звука, ни машин.

— Привыкай. Озерцо засыпает в девять вечера. Люди по домам сидят, двери на задвижки запирают, — Денис включил первую передачу, и машина с хриплым ревом тронулась с места. — У нас тут, знаешь ли, в последние недели вообще атмосфера не здоровая.словно перед бурей.

— О чем ты?

Денис замолчал, крутя руль на разбитом перекрестке. «УАЗ» вильнул, объезжая глубокую выбоину, в которой отражалось неживое серое небо.

— Да так... Народец нервный стал. Слухи ходят один глупее другого. То бабы у магазина брешут, что на холме у Елагинского дома огни видят по ночам. То дед Пахом с затона клялся,

что в камышах кто-то скулит, как ребенок. Я вчера деду подмигнул и протокол составлять не стал — дед пил неделю без просыху. Но народ верит. Когда в городе работы нет и перспектива одна — на кладбище, люди во всякую чертовщину охотно верить начинают.

— А ты сам? — Максим повернулся к другу. — Ты веришь?

Денис на секунду сжал губы, отчего на его щеках выступили желваки.

— Я верю в рапорты, Макс. И в инструкции. Потому что если я начну верить в то, что мне иногда мерещится на дежурстве в три часа ночи, мне придется сдать пистолет и лечь в районную дурку в соседнем районе. Понял?

Он резким движением затушил сигарету в забитой пепельнице и прибавил газу.

III

Районный морг располагался на окраине Озерца, за ветхими больничными корпусами еще постройки пятидесятых годов. Это было одноэтажное приземистое здание из серого шлакоблока, с плоской гудроновой крышей, с которой свисали длинные полосы пожелтевшего мха.

Когда «УАЗ» остановился у ворот, Максим увидел припаркованую на обочине «Ладу-Лагус» синего цвета. Около машины, прислонившись спиной к дверце, стоял мужчина в рабочей штормовке и женщина в накинутом на голову пледе. Женщина тихо, непрерывно плакала, уткнувшись лицом в ладони, а мужчина нервно курил, бросая испуганные взгляды на деревянное крыльцо морга.

— Это еще кто? — пробормотал Максим.

Денис тяжело вздохнул и до упора затянул ручной тормоз. В его глазах мгновенно проскользнуло выражение глухой, давней боли, которую он пытался спрятать за полицейской грубостью.

— Это Морозовы, — тихо сказал Денис. — Андрей и Елена.

Сердце Максима пропустило удар.

— Морозовы? Какое отношение они...

— Вчера вечером у них пацан пропал, — отрезал Денис, перебивая его. — Илья. Семь лет мальчишке. Пошел во двор велосипед занести перед дождем — и как сквозь землю провалился. Велик нашел сосед у забора. Цепь слетела, педаль погнута. А пацана нет.

— И они... здесь? — голос Максима сорвался.

— Нет, не то, что ты думаешь, — качнул головой Денис. — Анатолевич в морге неопознанных не принимал, слава Богу. Андрей приехал спросить, не привозили ли кого по сводкам из области. Мы с районными операми всю ночь лесополосу прочесывали и старый затон. Никаких следов.

Максим выскочил из машины на холодный воздух. Земля под ногами казалась нереальной, плывущей.

Мужчина у «Лады» поднял голову. Это был Андрей Морозов — младший брат того самого маленького Серёжки, который двадцать пять лет назад остался там, в подземном тупике под завалом из кирпича. Андрей тогда был еще совсем грудным ребенком, он ничего не помнил. Но сейчас, глядя на его осунувшееся, серое лицо с глубокими морщинами у губ, Максим узнал эти черты — те самые глаза, полные дикого, беспомощного страха.

— Денис Вадимович... — Андрей шагнуть навстречу полицейскому, роняя окурки в грязь. — Есть новости? Из области звонили? Может, на трассе кто видел?

Денис подошел к нему, положил тяжелую ладонь на плечо:

— Пока глухо, Андрей. Кинологи из района приехали, собаки след от забора берут и доходят до старой грунтовики. А дальше — всё. Как обрезало. Либо в машину посадили, либо...

— Какая машина, Дэн?! — вскрикнула Елена, сбрасывая плед с плеч. Ее глаза были красными от слез, губы искусаны до крови. — У нас по улице за весь вечер ни один грузовик не проехал! Он не мог уйти далеко! Он темноты боится, он без светящегося ночника в комнате не засыпает!

Она перевела умоляющий взгляд на Максима, не узнавая в нем взрослого столичного врача.

— Вы из района? Вы поисковик? Помогите нам, прошу вас! Он маленький совсем, он в одной болоньевой куртке ушел...

Максим стоял как вкопанный, чувствуя, как внутри него рушится последний оплот рациональности.

Семь лет. Мальчику семь лет.

Именно столько было маленькому Серёжке в октябре две тысячи первого года.

— Где... где собака потеряла след? — с трудом выдавил из себя Максим, чувствуя, как пересохло во рту.

Андрей посмотрел на него тупым, немящим взглядом:

— У развилки на старую пилораму. Там, где дорога на холм поворачивает... к Елагинскому дому.

Глава 4. За закрытой дверью морга

Запах формалина, сырого бетона и сукровицы в коридоре морга был настолько концентрированным, что у Максима мгновенно заболели виски. Патологоанатом Анатолевич — грузный, лысеющий мужчина пятидесяти пяти лет в потертом клеенчатом фартуке поверх синего больничного костюма — молча провел их в прозекторскую. На среднем металлическом столе, накрытая серой брезентовой простыней, лежала его мать, Анна Сергеевна. Когда врач откинул край ткани, Максим на секунду зажмурился. Лицо матери казалось удивительно спокойным. Морщины, терзавшие ее последние годы, разгладились, губы были плотно сжаты. Не было ни выжато мукой выражения лица, ни следов боли. Словно она просто уснула, уставая от долгого ожидания. — Сердце, — тихо сказал Анатолевич, убирая руки в карманы фартука. — Клапан не выдержал. Острая коронарная недостаточность. Смерть наступила мгновенно, она даже испугаться не успела. — Спасибо, Анатолевич, — прошептал Максим, касаясь пальцами холодного, как мрамор, лба матери. — Ты вот что, Максим... — врач помялся, бросив быстрый взгляд на стоящего у дверей Дениса. — Я тут судебно-медицинское освидетельствование проводил, как полагается. На руках у нее... на запястьях... странные следы были. Максим замер: — Какие следы? Анатолевич подошел к столу и осторожно поднял правую руку Анны Сергеевны. На бледной, увядшей коже сустава четко проступали темные, багрово-синие пятна. Они складывались в аккуратный полукруг — словно запястье пожилой женщины перед смертью со всей силы сжимала маленькая детская ручка. — Я в акте написал: «постмортемные гематомы неизвестного происхождения», — пробормотал патологоанатом, уводя взгляд. — Врать не буду, похолодало в квартире, синюшность образовалась. Но если честно... за тридцать лет практики я такого не видел. Будто её держали. Держали крепко и долго. Максим ничего не ответил. Он смотрел на эти следы и чувствовал, как правое запястье у него самого начинает наливаться тупой, жгучей пульсацией. Из морга они вышли через полчаса, оформив все необходимые справки для ритуальной службы. Похороны назначили на завтрашнее утро. Помочь с организацией обещал Денис — у него в администрации района работала двоюродная сестра, отвечавшая за кладбищенский учет. Когда они выехали со двора больницы, туман надо Озерцом поднялся выше, обнажив серые, ободранные фасады домов и черные стволы старых лип. Дождь прекратился, но воздух оставался тяжелым, насыщенным влагой. — Дэн, — проговорил Максим, глядя перед собой на пустую дорогу. — Мне нужно в библиотеку. Или в архив. Денис удивленно посмотрел на него: — В какую еще библиотеку, Макс? Тебе гроб надо заказать, поминальный обед в столовой на пилораме обговорить... — Я хочу знать историю Елагинского дома, — отрезал Максим. Его голос звучал твердо, не допуская возражений. — Кто там жил после революции? Что там было в тридцатые годы? Почему подвал считался закрытым? — Макс, ты сошел с ума? — Денис нажал на тормоз, и «УАЗ» остановился у обочины напротив старого двухэтажного здания с вывеской «Городская библиотека 1». — У тебя мать в морге лежит! У Морозовых пацан пропал! А ты хочешь краеведческие сказки читать? — Это не сказки, Дэн! — Максим повернулся к нему, его глаза горели нездоровым, лихорадочным блеском. — Ты сам сказал: собака потеряла след у поворота на холм. Семь лет назад, двадцать пять лет назад, пятьдесят лет назад — все нити в этом проклятом городе ведут к одному месту! К этому дому! — Там ничего нет, кроме кирпичей и крыс! — крикнул Денис, ударив кулаком по рулю. — Мы там сотни раз в детстве лазили! Там обычные развалины! — Мы лазили не везде, — тихо, почти шепотом сказал Максим. — Ты не знаешь, что там под землей. А я... я начинаю вспоминать. Денис замер с открытым ртом. Против воли его взгляд опустился на правое запястье Максима, которое тот бессознательно потирал пальцами левой руки. — Ладно, — сквозь зубы выплюнул участковый. — Иди к своей библиотекарше. Семёновна там сидит, старуха архивная. Она тебе

про Елагина хоть три тома наплетёт. А я поеду к штабу поисковиков. Если Ильина куртка где-нибудь проплывет по затону — я тебе сразу наберу. Максим кивнул, вылез из машины и поднялся по облупленным ступеням библиотеки.

Глава 5. Следы на пожелтевшей бумаге

I

Здание библиотеки 1 дышало глубокой, многолетней старостью.

Внутри пахло высохшим клейстером, влажной древесной трухой, давленными молевыми шариками и крепким, стоялым чаем с чабрецом. Тяжелая дубовая дверь с позвякивающим медным колокольчиком за хлопающим уплотнителем отсекала гул проезжающих по шоссе грузовиков, погружая входящего в гулкую, почти монастырскую тишину.

Максим поднялся по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж, где располагался отдел редких книг и краеведения.

За массивным письменным столом, заваленным подшивками газет и картонными папками с завязками, сидела Валентина Семёновна. Ей было далеко за семьдесят. Бывшая учительница истории, а ныне бессменный хранитель городского архива, она носила тяжелые очки в роговой оправе на витом серебряном шнурке и вязаный серый шаль, обмотанный вокруг худых, костлявых плеч.

Когда Максим ступил на паркет, старуха не спеша подняла голову. Её маленькие, водянисто-серые глаза за линзами-увеличителями сфокусировались на его лице.

— Сашка... — проговорила она без удивления, будто ждала его прямо в эту минуту. Голос у неё был сухим, шуршащим, похожим на перелистывание сухой бумаги. — Надо же. Двадцать пять лет прошло. А глаза всё те же — испуганные, как у зайца под кустом.

Максим остановился посреди зала между двух высоких стеллажей, уходящих под самый потолок.

— Здравствуйте, Валентина Семёновна. Я... я по поводу особняка Елагина.

— По поводу особняка, — кивнула старуха и медленно, с костяным хрустом в суставах, поднялась со стула. — А я думала, ты пришел мать хоронить. Анна Сергеевна до последнего дня верила, что ты вернешься. Каждую неделю сюда приходила. Всё сидела у окна, вот на этом самом стуле, и подшивки за шестьдесят первый год перечитывала.

Максим почувствовал, как к горлу подступает горячая, липкая волна.

— За шестьдесят первый? Почему за шестьдесят первый?

— А ты присядь, Сашенька, — Семёновна указала узловатым пальцем на венский стул с облупившимся лаком. — Присядь. Раз уж решил ворошить то, что земля тридцать лет переваривала, так не стой на пороге.

II

Старуха ушла в глубину архива и вернулась через пять минут, неся в руках две толстые картонные папки с надписью «Елагин А.Л. Изъятие и опись имущества. 1918–1935 гг.» и металлическую коробку из-под печенья, перевязанную бельевой бечевкой.

Она с глухим стуком опустила их на стол, подняв облако белой книжной пыли, которая заплесала в блеклом луче осеннего солнца, пробившемся сквозь тучи.

— Ты думаешь, вы первые были? — тихо спросила Семёновна, развязывая узел на бечевке. — Вы, дурачки одиннадцатилетние, в две тысячи первом думали, что открыли проклятый дом? Озерцо — город старый, Саш. Он на торфе и костях стоит. А холм Елагинский — место особенное. Купец Афанасий Елагин кирпичный завод построил не просто так. Земля там глинистая, плотная, красная. Только глина та... с примесью была.

Она вытащила из коробки пожелтевший лист плотной бумаги — выписку из протокола уездной земской полиции за август 1912 года.

— Смотри, — старуха пододвинула лист к Максиму. — За пять лет до революции у купца Елагина пропала младшая дочь. Евдокия. Семь лет девочке было. Пошла вечером в сад за яблоками — и пропала. Искали всем уездом, затон прочесали, лесопилку перевернули. А через три дня сам купец спустился в нижний ледник, тот, что под главным домом был выбит в граните. Вышел оттуда седой как лунь. Запер ледник на три замка, ключ в озеро бросил и запретил слугам даже близко подходить к подвалу.

— Что он там увидел? — спросил Максим, подаваясь вперед.

— В протоколе написано: «Признаков тела не обнаружено, найдена лишь детская туфелька со следами глубокого обугливания». Обугливания, Саша! В леднике, где температура круглый год выше трех градусов не поднималась! — Семёновна постучала ногтем по бумаге. — Купец тронулся умом. Твердил, что дочь его не умерла, а «ушла к нижним хозяевам». А через год сам в петлю залез.

III

Максим слушал, и перед его глазами вставали картины прошлого. Голоса, шумы, запах гари из 2001 года сплетались с пыльным воздухом библиотеки в один жуткий, неразрывный узел.

Семёновна тем временем открыла вторую папку.

— Потом была революция. В тридцатые годы в особняке сделали детскую коммуну «Красный Бор» для сирот из Поволжья. В тридцать шестом году коммуна за ночь опустела.

— Как это — опустела? — перебил её Максим.

— А вот так. Официально написали: «В связи с эпидемией тифа воспитанники эвакуированы в областной центр». Но у меня в закрытом фонде хранится рапорт начальника районного НКВД товарища Зубова. Три мальчика из младшей группы ночью вскрыли доски пола в

спальне и спустились в технологический канал под домом. Когда воспитатели кинулись искать — нашли только провал в кирпичной кладке. И следы... Маленькие, босые следы, которые вели не из подвала наружу, а *из глубины стены наружу*.

Максим почувствовал, как на затылке шевелятся волосы.

— В шестьдесят первом там был склад райпо, — продолжал он читать мысли старухи. — Анатолевич в морге говорил...

— В шестьдесят первом кладовщик Мухов заперся в том самом нижнем ярусе, — строго сказала Семёновна. — Его выбивали ломami через двое суток. Он изгрыз себе пальцы до костей и всё кричал, что из сухой ямы под чугунной плитой его зовут дети. Понимаешь ты, Саш? Они зовут. Каждые двадцать пять — тридцать лет, когда земля на холме высыхает до трещин, оно просыпается и просит свежей крови.

— Кто — «оно»? — с нажимом спросил Максим. — Что там под домом?

Семёновна молча лезла на дно коробки и вытащила небольшой тетрадный лист, сложенный вчетверо. Бумага была свежей, клетчатой, из обычной школьной тетради.

— Это твоя мать оставила. За три недели до смерти.

IV

Максим развернул лист. Рука матери была узнаваема — мелкий, аккуратный почерк учительницы начальных классов, который он помнил с детства.

На листе был нарисован план подвала Елагинского дома. Но центральная часть — тупик с чугунной плитой — была обведена жирным черным карандашом несколько десятков раз. От плиты вниз уходила нарисованная линия, ведущая к круглому символу, похожему на перерезанный глаз.

Под рисунком была сделана надпись, повторенная многократно, пока грифель не сломался и не пробил бумагу насквозь:

«Он не один. Они ждут нового. Сашенька запер их, но ключ остался внутри. Чтобы вернуть Илью, нужно открыть плиту изнутри.»

— Что это значит? — у Максима перехватило дыхание. — Какого Илью? Илья пропал только вчера вечером! А запись сделана три недели назад!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.